



«Девчонки, а сколько хоть у меня детей-то было?» – спрашивала мать подруги моей матери Нины Наддачиной. Вспоминая это с горькой иронией, мама повторяла: «Не дай Бог дожить до того, чтобы забыть количество детей, которых сама родила».

Память моей матери – Ольги Ивановны Антипаевой – почти до самой её смерти была исключительной. Она помнила всех жителей заозерской стороны по имени-отчеству с годами рождения, а набранный самостоятельно номер телефона по просьбе кого-либо из соседей со своего телефона в другой город могла вспомнить через год. Поэтому я, отягощённый житейскими заботами, надеялся, что информацией материнской головы смогу воспользоваться в любой удобный для меня день, как книгой из библиотеки. В начале 2008 года, будучи у неё дома, взяв лист бумаги и карандаш, попросил маму виртуально пройти по улицам Заозерья и вспомнить известных ей владельцев домов, тех, что в наличии, и тех, что разрушились от ветхости или сгорели, либо были перевезены в другие города и сёла, и стал записывать.

С 1929 по 1960 годы в селе был разобран по брёвнышку не один десяток домов кулаков и прочих «мироедов». Дома перевозились на административные нужды становившихся

районными центрами сёл – сначала Нагорья, затем Ильинского, в город Калязин и даже в подмосковное Раменское. В Заозерье было чем поживиться. По данным угличского филиала Госархива, к 1919 году было муниципализировано около 50 земских, церковных и частных зданий. Это больше, чем в Нагорье, Ильинском и Большом Селе, вместе взятых. Если прибавить сюда 82 семьи, лишённых в правах в 1929 году, а еще раскулаченных и репрессированных до 40-х годов, то становится понятным, почему усадьба великого русского сатирика Салтыкова-Щедрина дожила только до 1947 года. Даже на разрушение и то нужны силы и время.

А в тот зимний вечер, «гуляя» по улице Мельничной, мама рассказала историю дома, который мы знаем как дом Киселёвых, в нём до них жила председатель колхоза Петухова, известная своими призывами за победу коммунизма «на всех земных шарах» и тем, что, уехав «по делам» в Калязин на тройке в тарантасе, вернулась на кляче, запряжённой в телегу. Оказалось, что до неё дом принадлежал Вере Антипаевой, сестре моего деда, покинувшей село в 1929 году вместе с другими лишенцами в правах, осевшей и закончившей свою жизнь в Ленинграде во время блокады...

На этом записи прервались, мы решили их продолжить в другой вечер, но не вернулись никогда. Весной маму разбил инсульт, а в декабре она ушла навсегда вместе со своей «библиотекой». Ушла, но оставила на память краткую историю своей семьи и её родной деревни Харлово: «Сегодня весенний день, а на улице метель, какой не было зимой, морозный, холодный ветер намёл сугробы, не вытащишь ног, а я ходила на уколы. Пришла и от тоски села писать о своей жизни...»

Сергей АНТИПАЕВ

«Угличанин» №50 (554) от 20.12.2017 года

{comments on}{loadposition yandex-knopka}